

его убѣдились въ томъ, что солдатъ не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ можетъ и долженъ защищать честь своего мундира "... На долю современныхъ офицеровъ,—читаемъ мы въ той же статьѣ.—выпала тяжелая задача: приниженный (!), забитый (!) и сбитый съ толку (!) военный мундиръ вновь возвести на ту высокую ступень, на какой долженъ онъ находиться по смыслу, если хотять, чтобы войско было дѣйствительно войскомъ, а не сбродомъ, не толпою всякихъ проходимцевъ". Дальше констатируется тотъ фактъ, что хотя офицеры и солдаты, „заступившіеся за свой мундиръ“, и до сихъ поръ еще подвергаются иногда наказанію какъ за самоуправство, но это случается все рѣже и рѣже—и скоро, быть можетъ, не будетъ случаться вовсе.

Еще болѣе серьезнымъ симптомомъ, чѣмъ вышеприведенныя газетныя фразы, представляются варіаціи на ту же тему, принадлежащія человѣку науки. Защитникомъ подпрапорщика Шмидта передъ военнымъ судомъ выступилъ профессоръ харьковскаго университета, г. Владиміровъ; его защитительная рѣчь, напечатанная сначала въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, вышла недавно въ свѣтъ отдѣльной брошюрой. „Воинская честь,—говоритъ г. Владиміровъ, оправдывая ея преступленіе своего кліента, — не есть простое литературное выраженіе; воинская честь есть обязанность каждаго военного человѣка, безъ нея не можетъ быть хорошей арміи. Честь есть виѣшнее проявленіе извѣстнаго чувства долга, извѣстнаго нравственнаго настроенія. Она различна въ различныхъ сословіяхъ; понятія о чести ученаго, военного, духовнаго лица различны (?!), хотя все должны быть честными людьми. Каждому военному должно быть присуще—кромѣ правилъ нравственности, для всехъ обязательныхъ—также и благородство. Ему недостаточно быть честнымъ; отъ него требуется нѣчто большее—великодушіе, извѣстная возвышенность чувствъ; требуется, чтобы въ каждомъ, самомъ тяжкомъ жизненномъ положеніи, военный человѣкъ поступалъ такъ, какъ диктуютъ высокія чувства, хотя бы онъ рисковалъ своею личностью, своимъ положеніемъ, своею жизнью—чтобы, напримѣръ, ему могла безобязательно вручить свою честь женщина, при всякихъ условіяхъ. Наконецъ, воинская честь есть *соблюденіе достоинства внѣшняго выраженія чести, которая овеществляется въ мундирѣ*. Честь мундира есть общее состояніе арміи; съ нимъ нельзя обращаться произвольно и небрежно. Если на комъ-нибудь *омрачено это внѣшнее выраженіе чести*, и если это лицо попадаетъ въ такое положеніе, что воинская честь требуетъ одного, а уголовный законъ—другого, то оно, конечно, очутится между молотомъ и наковальней; но тогда чувство воинской чести должно подсказать ему, какъ поступить“. При столкновеніи съ трагической прислугой у Шмидта былъ разорванъ мундиръ; оторванный